

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-210-221

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СМИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Васильев А. М., Жерлицына Н. А.

Институт Африки Российской академии наук

123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является изучение изменений в государственной политике стран региона Ближнего Востока и Северной Африки по отношению к СМИ, произошедшие после «Арабской весны». Теоретико-методологической основой для статьи стали такие методы, как сравнительный, позволяющий на основании сопоставления ситуации в различных странах Северной Африки выявить типологические особенности арабской модели информационного общества; критический дискурс-анализ, при помощи которого авторы исследовали информационную политику в различных арабских странах. Проведённый анализ показал, что произошедшие изменения привели к ужесточению и ограничению СМИ прямыми и косвенными способами. Авторы приходят к выводу о крайне неоднозначных и сложных перспективах отношений между СМИ и правительствами в арабском мире. В статье обобщен современный материал по исследуемой теме, сформулированы как преимущества, так и ограничения новых медиа. Статья может представлять немалый интерес для политологов, востоковедов, журналистов и представителей смежных областей.

Ключевые слова: средства массовой информации (СМИ), «Арабская весна», страны Ближнего Востока и Северной Африки, киберактивисты, цензура, самоцензура.

DYNAMICS OF PUBLIC POLICY ON MASS MEDIA IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA REGION

A. Vasiliev, N. Zherlitsina

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

30/1 ul. Spiridonovka, Moscow 123001, Russian Federation

Abstract. The article is aimed at studying changes in the public policy of Middle Eastern and North African countries on the media, which occurred after the Arab Spring. The research was conducted using the methods of comparative and critical discourse analysis. The conducted comparative analysis, which involved a comparison of situations in different North African countries, allowed the typological features of the Arab information society to be identified. Critical discourse analysis was used to examine the information policy applied in different Arab countries. Our analysis showed that the changes that had taken place led to the introduction of stricter restrictions on the media both in direct and indirect ways. A conclusion is made about extremely ambiguous and complex prospects of relations between the media and governments

in the Arab world. Following a review of available publications on the topic, both advantages and limitations of the new media are formulated. The article may be of interest to political scientists, Orientalist scholars, journalists and representatives of related fields.

Keywords: mass media, Arab Spring, Middle East, North Africa, cyber-activists, censorship, self-censorship.

Значительную роль в волне революций и протестов, захлестнувших арабские страны начиная с 2011 г., играли новые СМИ. Интернет в целом и социальные сети, такие как Facebook, Twitter и YouTube, показали себя как новые мощные коммуникационные инструменты, способные влиять на политические мнения и политические решения. В отличие от старых медиа – телевидения, радио и печатной прессы, социальные сети имеют свойство быть инструментами социального взаимодействия, интерактивного диалога гражданских активистов. История революций в Египте, Тунисе, вооруженных конфликтов в Йемене и Сирии, протестного движения в Марокко, Иордании, Бахрейне, странах Персидского залива отчетливо продемонстрировала, что новые медиа оказывают влияние на политику и их использование имеет последствия для политической власти.

Различные аспекты темы ИКТ¹, ввиду их актуальности, исследуются в трудах российских, арабских, западных ученых. Так, в российской историографии наиболее полно данная тема отражена в монографиях О. Г. Карповича и А. В. Манойло, С. В. Володенкова, статьях Е. М. Лымаря, С. Н. Федорченко, посвященным теме политизации интернета и современным киберрискам [1; 3; 5]. Из трудов арабских ученых, исследующих влияние событий «Араб-

ской весны» на ИКТ данного региона, особого внимания заслуживают труды Юссефа Седдика и Сейф Эддина аль-Амри [15; 18]. Данная проблема разрабатывается и в работах ученых из США, Великобритании, Малайзии и других стран [7; 9; 14].

Неоднозначные результаты «Арабской весны» поставили перед властями стран региона противоречивую задачу налаживания государственного управления средствами массовой информации, требующего одновременно установления государственного контроля и либерализации рынка СМИ.

До 1990 г. большинство средств массовой информации в Арабском мире принадлежало главным образом государству и функционировало под строгим контролем правительства. Изменения начались в 1990-х гг., когда началась эра спутникового телевидения, к середине десятилетия прием спутниковых каналов стал массовым явлением в арабских странах. В это же время началось внедрение Интернета по всему Арабскому миру. В целом регион очень медленно и неравномерно осваивал всемирную сеть, сказывались технологическая и экономическая отсталость, отсутствие инфраструктуры, неграмотность и бедность значительной части населения. По иронии судьбы, именно правительства ряда арабских стран предприняли шаги по поощрению распространения и доступности Интернета, главным образом в целях ускорения экономического

¹ информационно-коммуникативные технологии.

развития. Это свидетельствует о крайне неоднозначных и сложных отношениях между СМИ и правительствами в Арабском мире. В целом можно сказать, что внедрение спутниковых телевизионных каналов и Интернета представляло собой важный сдвиг от монолитной, контролируемой государством и принадлежащей государству модели СМИ к гораздо более плюралистической и разнообразной медиасцене. Между 2005 и 2011 гг. доступ в Интернет в регионе Ближнего Востока и Средней Азии (БВСА) увеличился с 13 до 40% населения [13, р. 10].

Интернет стал одним из наиболее важных каналов формирования и отражения тенденций общественного мнения в современном Арабском мире. Значение внедрения интернета проистекает из того факта, что он не признает границ, бросает вызов цензуре государственных СМИ и предоставляет слово альтернативным голосам, отличным от официальных. Традиционные СМИ, действующие под контролем государства, во время революционных событий «Арабской весны» пытались делегитимизировать протесты и представить в основном проправительственную перспективу. Так, если посмотреть на публикации четырех крупных египетских газет за январь-февраль 2011 г., то они представляли народные протесты как «заговор против египетского правительства». Протестующие же изображались как «преступники и жестокие молодые люди, которые не любят родину» [11, р. 56]. Как остроумно заметил бывший главный редактор государственной египетской газеты «Аль-Ахрам» Осам Сарай, «основная функция государственных СМИ заключается в том,

чтобы приукрасить лицо режима, а не следить за ним» [16, р. 34].

Интернет является быстро растущей и расширяющейся средой в Арабском мире, особенно среди молодежи, что объясняет, как и почему молодые активисты, полагающиеся на интернет-коммуникации, смогли проложить путь для политических преобразований в этом регионе. Электронные медиа быстро растут в Арабском мире: около 212 млн. человек пользуются интернетом в Арабском регионе и более 65 млн. активно используют социальные сети¹. Хотя это не так много от общего числа населения арабских стран (423 млн. чел.), но в это число входит молодежь, средний класс, политически активная часть общества. Кроме того, в Арабском мире быстро развивалась мобильная связь: уже к концу 2008 г. число мобильных телефонов приблизилось к 100% охвату населения². В 2007 г. арабы получили доступ к Twitter и Facebook, и с тех пор число их пользователей увеличивается год от года, особенно после того, как в 2009 г. стала доступна арабская платформа. В Арабском мире, где проникновение Интернета составляет более 52,2% от общей численности населения, Facebook достиг 20,9%³. Facebook является первым по популярности среди социальных сетей в восьми арабских странах: Алжире, Египте, Ираке, Иордании, Ливане, Ливии, Сирии и Тунисе. Вторым – в пяти арабских странах:

¹ По данным сайта Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения 7.02.2019)

² По данным сайта Statista: Number of mobile phone users worldwide. URL: <https://www.statista.com/statistics/274774> (дата обращения 7.02.2019).

³ См. ссылку на Internet World Stats.

Марокко, Палестине, Катаре, Судане и Йемене. И третьим – в Омане, Саудовской Аравии и ОАЭ. Египтяне составляют около 22% от общего числа пользователей данной сети в Арабском мире с 4,7 млн. пользователей. 70-75% всех арабских поклонников Facebook – это молодежь в возрасте от 15 до 29 лет¹. Что касается использования арабского языка на Facebook, то он считается одним из самых быстрорастущих языков в мире.

Ни одна из социальных сетей – Twitter, Facebook и YouTube – не создавалась специально для распространения информации о политике и государственных делах. Точно также функции Интернета сегодня превышают цели, для которых он был первоначально разработан. Эти новые открытые каналы связи, доступные практически каждому, работающие без редакторов и цензоров, бросают вызов официальным каналам коммуникации. Их использование изменяет баланс между массивной, централизованной, вертикально структурированной государственной системой информации и множеством мелких, гибких, разнообразных платформ в пользу последних [6, с. 47].

Социальные медиа сыграли многогранную роль в ходе арабских революций и протестов 2011–2013 гг. Facebook, Twitter и YouTube доказали свою эффективность как инструменты поддержки активистов, выступая площадками для политической дискуссии, способствуя реализации права на свободу мнений и высказываний. Имен-

¹ По данным сайта экспертного агентства «Omnicores»: Facebook by the Numbers. URL: <https://www.omnicoreagency.com/facebook-statistics/> (дата обращения 7.02.2019).

но на их виртуальных пространствах шла организация и планирование протестов, объединение активистов. Facebook, Twitter и YouTube служили для документирования протестов, фиксирования реакции правительств на них, обнародования этих фактов. Именно в годы Арабского кризиса стал активно использоваться термин «киберактивизм», подразумевающий «акт использования Интернета в политических целях» [12, р. 29].

Цель киберактивистов – создать интеллектуально и эмоционально убедительные цифровые артефакты, которые рассказывают о несправедливости; интерпретировать историю и выступать за определенные политические результаты. Заслуга арабских киберактивистов заключается в создании нового явления – гражданской журналистики, цель которой – информировать граждан о злоупотреблениях, нарушениях закона и коррупции их автократических правительств. Феномен нового макрекерства – «срывания с власти покровов секретности» – получил толчок к развитию в арабских странах в революционный период [4].

Важность гражданской журналистики проистекает из того факта, что социальные медиа позволяют гражданам журналистам, которые недовольны традиционной медиаверсией событий, рассказывать свои собственные истории и что эти модели политического выражения и обучения являются ключом к развитию демократических дискурсов. Ценность такого широкого освещения гражданскими журналистами заключается не только в том, что оно повышает осведомленность о жестокости режима, коррупции, чрезмерном применении силы

против протестующих и нарушениях прав человека, но и в том, что оно поощряет нерешительных граждан выйти и протестовать. Протест имеет шанс на успех, если противники диктатора видят, что их взгляды широко разделяются и что достаточно их сограждан готовы протестовать вместе с ними. В ходе «Арабской весны» именно одновременная поддержка протестов каналами спутникового телевидения и сайтами социальных сетей облегчила гражданам арабских стран осознание того, что их взгляды разделяются достаточным количеством людей, чтобы сделать протест всеобщим.

Таким образом, новые средства массовой информации активно и эффективно использовались в качестве инструментов протестующих в целях укрепления их решимости, организации совместных действий, координации усилий, проявления общественной воли и усиления голосов сопротивления путем обеспечения одновременного охвата как национальной, так и международной аудитории. Глобальный охват социальных сетей не только позволил активистам из арабских стран обмениваться идеями и стратегиями друг с другом, но и транслировать протесты по всему миру, помогая им получить глобальную поддержку, что, в свою очередь, стимулировало еще больше арабских граждан.

Еще одной не менее важной ролью, которую играли новые СМИ в этих революциях, является содействие гражданской активности. Посредством Facebook, Twitter и YouTube гражданское общество приглашалось к участию в текущих политических, экономических и социальных усилиях,

направленных на позитивные социальные изменения. Социальные сети сыграли важную роль с точки зрения пробуждения в Арабском мире в значительной степени бездействующих, невостребованных и маргинализованных гражданских обществ. Тем самым новые средства массовой информации перешли от роли простых «предохранительных клапанов» к эффективным «инструментам мобилизации». Это произошло благодаря способности этих новых СМИ выступать в качестве эффективных катализаторов и ускорителей перемен в обществе.

Электронные медиа стали важным фактором появления новой арабской общественной сферы, они способствовали трансформации общества, особенно молодого поколения арабов, тремя фундаментальными способами: плюрализацией идей и мнений, повышением ожиданий населения и развитием коллективного арабского политического пространства. Однако следует избегать преувеличения роли новых медиа в арабских революциях и после них. Феномен киберактивизма является необходимым, но недостаточным фактором реальных политических изменений. Значительный рост использования новых СМИ гораздо более вероятно последует за значительным количеством протестной активности, чем предшествует ей. Одним из главных ограничений новых средств массовой информации является их способность выступать в качестве катализаторов политических изменений и социальных реформ только в том случае, если общая обстановка в стране позволяет достичь разумной степени консенсуса и способствует конструктивному диалогу

и гражданскому дискурсу, которые являются важнейшими предпосылками для национального строительства. Однако в отсутствие таких условий и предпосылок новые средства массовой информации сами по себе не могут заполнить этот пробел и не способны самостоятельно сформировать необходимый консенсус.

После революций в Египте, Тунисе, не говоря уже об арабских государствах, оказавшихся в ситуации гражданской войны, общества этих стран оказались разделенными идеологическими и политическими разногласиями, несогласными относительно путей дальнейшего развития. Легче отстранить диктатора от власти, чем решить, что делать дальше, а это зачастую является реальной проблемой. Так, и Тунис, и Египет продемонстрировали раскол на сторонников политического ислама и светского пути развития. То, что делает этот раскол особенно опасным и неразрешимым, это примерно равное количество сторонников двух этих полярных направлений – 50 на 50% [2, с. 41].

В боях между правителями и правящими, которые происходят в Арабском мире с декабря 2010 г., баланс как политической власти, так и средств массовой информации неуклонно и непредсказуемо смещается. Государство становится все более изощренным в управлении Интернетом. Некоторые правительства БВСА в постреволюционный период признали необходимость напрямую обращаться к своим избирателям через социальные сети. Ряд арабских лидеров и почти каждая крупная политическая партия имеют свою страницу на Facebook. Некоторые арабские правительствен-

ные ведомства имеют свои каналы на YouTube, например e-Gov Бахрейна, Катара, канал королевы Иордании Рании, каналы членов иракского правительства [7, р. 93]. Подобно политическим лидерам в других частях мира, они используют социальную сеть как средство продемонстрировать себя современными и получить поддержку, но не как средство двусторонней связи. Этим объясняется, почему в сети Twitter, характеризующейся живым, почти в режиме реального времени общением, присутствуют газеты, коммерческие предприятия, отраслевые ассоциации, аналитические центры и университеты, но мало участия от правительственных лидеров государств БВСА. В этой социальной сети представлены несколько ближневосточных посольств. Примерами являются посольства Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов в США. Исключением для региона является и правитель Дубая, эмир Аль Мактум, который ведет диалог в режиме реального времени с гражданами и жителями эмирата. Несколько министров Бахрейна участвуют в дискуссиях по заранее определенным темам через правительственный портал [18, р. 114]. Даже если эти попытки остаются ограниченными в масштабах, все равно это позитивный шаг. Следующим шагом может стать вовлечение людей в государственные дела.

Согласно данным ООН, страны региона БВСА имеют в основном высокий и средний индекс развития электронного правительства, за исключением таких бедных стран, как Йемен и Мавритания¹. Правительства

¹ См. показатель Development Index на сайте UN E-Government Knowledgebase. URL: <https://>

БВСА могли бы воспользоваться социальными сетями для привлечения общественности к принятию решений и разработке политики. Повышение роли СМИ в политической жизни региона и активная роль социальных сетей в Арабском кризисе заставили власти чуть ли ни всех стран БВСА провести реформу национальных законодательств в данной сфере. Задача, которая стояла перед правительствами, носила противоречивый характер. С одной стороны, следовало либерализовать рынок СМИ, с другой – создать эффективные рычаги воздействия на медиа.

Новая конституция Туниса, принятая в январе 2014 г. и считающаяся самой либеральной в Арабском мире, содержит многочисленные гарантии независимости средств массовой информации. Вслед за этим новое независимое вещательное управление выдало лицензии более чем 20 новым ТВ каналам, например, каналу El Niwar Ettounsi, который считался при свергнутом президенте Бен Али диссидентским и вещал из-за рубежа по спутниковой связи [9, p. 19]. После революции этот и другие каналы переместились в Тунис, переключившись со спутника на наземный, и стали основными национальными каналами. Следующим шагом на пути либерализации СМИ стало принятие в феврале 2017 г. закона «О защите осведомителей», предоставляющего правовую защиту тем, кто раскрывает доказательства коррупции. Закон рассматривается как победа цифровых СМИ и свободы Интернета, поскольку журналисты и борцы с коррупцией

publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center (дата обращения 7.02.2019).

постоянно сталкивались с преследованиями за свою работу. Несмотря на законодательный прогресс в сфере информации, остаются в силе различные запреты в отношении журналистов. Как наследие авторитарной системы эти ограничения по-прежнему присутствуют в системе СМИ в виде финансовых, политических препятствий для свободы высказываний. Тем не менее результатом является гораздо большее разнообразие политических голосов по сравнению с ситуацией до 2011 г.

Государственная монополия на вещание в Марокко была отменена в 2002 г., но последовавший за этим процесс либерализации СМИ был непоследовательным. В настоящее время Марокко располагает девятью отечественными телевизионными каналами, семь из которых принадлежат государству, один – частному капиталу и еще один имеет смешанную форму собственности. Таким образом, телевидение по-прежнему является символом суверенитета режима, в то время как либерализация в основном ограничивалась радио: сегодня существует 18 частных радиостанций [15, p. 6]. Правительство объявило о выдаче новых телевизионных лицензий в 2012 г., но с тех пор реформа застопорилась. Закон «О печати» в Марокко категорически запрещает критику монархии и ислама и фактически запрещает критику других запретных тем. После протестов 2011 г. монархия провела конституционную реформу, а также предприняла некоторые меры, направленные на укрепление свободы прессы. Однако разрыв между письменными принципами и неписаной практикой по-прежнему очевиден. За вторжение журналистов в такие сферы, как репу-

тация короля Мохаммеда VI, политика Марокко в отношении Западной Сахары, журналисты могут подвергнуться судебному преследованию.

Королевская власть используют и более тонкие средства для ограничения онлайн-контента. Например, в то время как веб-сайты редко блокируются, проблематичные законы о прессе и борьбе с терроризмом ложатся тяжелым бременем на посредников и позволяют закрывать новостные сайты. Такие меры давления, как выборочность при распределении рекламных денег и продолжающиеся судебные процессы над видными журналистами предотвратили появление активной сферы онлайн-СМИ. Тем не менее цифровые медиа остаются более свободными, чем местное телевидение или газеты, и правительство предприняло ряд позитивных шагов в последние годы, таких как принятие нового Кодекса прессы в июне 2016 г. Однако ряд проблемных положений Уголовного кодекса по-прежнему представляют явную угрозу свободе Интернета в стране.

Государственное радио и телевидение Иордании до недавнего времени практически не имело конкурентов в освещении национальных политических вопросов, учитывая дополнительную финансовую надбавку, взимаемую с частных вещательных компаний, желающих освещать такие темы. В сентябре 2012 г. Комиссия по аудиовизуальным средствам отменила эти сборы за политический контент, хотя государство продолжало сохранять свой контроль посредством менее формальных ограничений. В 2011 г. иорданские молодежные активисты, как и их коллеги в Тунисе и Египте, организовали свои политические протесты в основном

через социальные сети. После этого все большее количество мер контроля было направлено на сектор онлайн-СМИ. Закон о прессе 2012 г. ввел требование для новостных сайтов, обязывающее их получать дорогостоящие лицензии от государства. В соответствии с этим положением около 300 новостных сайтов были заблокированы правительством, поскольку они не соблюдали новые положения о регистрации и лицензировании [14, р. 9]. В 2014 г. новые поправки в закон о борьбе с терроризмом оставили в силе ограничения свободы слова, увязанные с вопросами национальной безопасности, что привело к аресту или запугиванию нескольких журналистов и активистов.

Алжир, как и многие другие арабские страны, ускорил процесс либерализации СМИ после «Арабской весны». Центральное место в алжирских медиа по-прежнему занимает телевидение. Развитие Интернета тормозится правительством, только 18% алжирцев имеют регулярный доступ к Интернету [17, р. 21]. Закон «О средствах массовой информации», принятый в 2012 г., открыл двери для создания частных телевизионных каналов. Новые национальные каналы, появившиеся после либерализации, быстро завоевали большую аудиторию из-за своего разнообразия. Среди них имеются новостные каналы, каналы, ориентированные на определенную аудиторию, спортивные, тематические и даже канал, принадлежащий легальной политической партии умеренно исламистского направления. По новому закону 2012 г. были отменены тюремные сроки за преступления прессы, но до сих пор власть часто прибегает к штрафам.

Если же такой штраф остается непоплатенным, это может повлечь и тюремное заключение.

Египетская медиасцена также пережила реформу в 2017 г. До этого времени не существовало никакой нормативной базы, касающейся частных средств массовой информации. Законодательная база, принятая в 2017 г., обеспечивает функционирование частных средств массовой информации. В соответствии с этим законом был создан Верховный Совет по СМИ, инициатором возникновения которого выступил президент А. Ф. Ас-Сиси. Орган является регулятором деятельности частных средств массовой информации. В 2018 г. вступил в силу новый закон «О регулировании средств массовой информации», в соответствии с которым предполагается введение мониторинга в Интернете с целью контроля за пользователями социальных сетей. Пока речь идет о контроле за личными аккаунтами в социальных сетях, имеющими более чем 5000 подписчиков. Наблюдение вводится под предлогом борьбы с «фейковыми» новостями и распространением терроризма. В случае нарушения, пользователю грозит крупный штраф или тюремное заключение.

Таким образом, государственная политика арабских стран в отношении СМИ испытывает влияние как общемировых тенденций, так и реги-

ональной специфики. Власти региона БВСА пока только ищут баланс между защитой интересов государства от информационной агрессии, наведением законодательного порядка в этой новой общественной сфере и раскрытием демократического потенциала свободных СМИ. В постреволюционный период положение арабских медиа стало еще более сложным. Отношения между государством и средствами массовой информации в арабском мире являются постоянными конфликтными отношениями. Сегодня число журналистов, находящихся в заключении в Египте, находится на рекордно высоком уровне, который, по данным Комитета по защите журналистов, выше только в Китае [10]. Запугивание достигло своего пика, когда египетский судья рекомендовал вынести трем журналистам смертный приговор, если будет доказана их вина в предоставлении информации катарской телекомпании «Аль-Джазира» [8]. Правительства БВСА установили прямой и косвенный контроль за средствами массовой информации, чтобы рекламировать достоинства ограниченных конституционных изменений, демонизируя протестующих и подогревая опасения кровавых беспорядков, – таких, какие происходят в Ливии и Йемене.

Статья поступила в редакцию 01.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Проспект, 2018. 272 с.
2. Жерлицына Н. А., Костелянец С. В., Сидорова Г. М. Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. М.: МГЛУ, 2018. 273 с.
3. Карпович О. Г., Манойло А. В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 112 с.

4. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. М.: Высшая школа экономики, 2015. 312 с.
5. Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Белиустин А. А., Федорченко Л. В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 84–110.
6. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 182 с.
7. Anderson J. W. Culture, Lifestyle and the Information Revolution in the Middle East and Muslim World // Journal of Cyberspace Policy Studies. 2017. Vol. 1. № 1. P. 89–102.
8. Egyptian court seeks death penalty against three journalists, 07.05.2016 [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/07/egyptian-court-seeks-death-penalty-against-three-journalists> (дата обращения 7.02.2019)
9. El Issawi F. The Tunisian transition: the evolving face of the second republic. After the Arab Spring: Power Shift in the Middle East? IDEAS reports – special reports. London, UK. 2012. 196 pp.
10. Freedom Of The Press 2017 [Электронный ресурс] // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/freedom-press-2017> (дата обращения 7.02.2019)
11. Hamdy N. Prediction of Media Credibility in Egypt's Post-Revolution Transitional Phase // Global Media Journal. London. 2013. № 4. Pp. 47–59.
12. Howard P. N. The digital origins of dictatorship and democracy: Information technology and political Islam. Oxford: Oxford University Press, 2011. 281 p.
13. Media use in the Middle East. Northwestern University publication. Qatar, 2018. 36 p.
14. Qasim Mahmood, Amira Sariyati Firdaus, Hamed Mohd Adnan. Social Media and Arab Revolts: An Appraisal // Malaysian Journal of Media Studies. 2014. Vol. 16, No. 2. Pp. 1–11.
15. Saif Eddine Al-Amri. Au Maghreb, la révolution dans les médias est encore à venir // Orient XXI. Paris. 2017. Décembre. Pp. 4–8.
16. Shaer G. Mapping Egypt's Media: State Influence in a Transforming Landscape // Arab Media & Society. Cairo. 2015. Issue 20. Pp. 28–36.
17. Steckman L. M., Andrews M. J. Online around the World: A Geographic Encyclopedia of the Internet. USA, Santa Barbara, 2017. 398 p.
18. Youssef Seddik. Le revolution inachevee. Tunisie, Med Ali Edition, 2015. 136 c.

REFERENCES

1. Volodenkov S. V. *Internet-kommunikatsii v globalnom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya* [Internet communications in the global space of modern political management]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 272 p.
2. Zherlitsyna N. A., Kostelyanets S. V., Sidorova G. M. *Ugrozi bezopasnosti Afriki: sovremennye tendentsii* [Threats to African security: current trends]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2018. 273 p.
3. Karpovitch O. G., Manoylo A. V. *Tsvetniye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennikh politicheskikh rezhimov* [Colour revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2015. 112 p.
4. Keane J. *Demokratiya I dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Moscow, Vishaya Shkola Ekonomiki Publ., 2015. 312 p.
5. Limar E. N., Fedorchenko S. N., Belyustin A. A., Fedorchenko L. V. [The final chord: the 3rd wave of studying the politicization of online social networks]. In: *Journal politicheskikh issledovaniy*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 84–110.
6. *Problemi informatsionnoy bezopasnosti v mezhdunarodnikh voenno-politicheskikh otnoshe-*

- niakh* [The issues of information security in international military-political relations]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations of RAS Publ., 2016. 182 p.
7. Anderson J. W. Culture, Lifestyle and the Information Revolution in the Middle East and Muslim World. In: Journal of Cyberspace Policy Studies, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 89–102.
 8. Egyptian court seeks death penalty against three journalists, 07.05.2016. In: The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/07/egyptian-court-seeks-death-penalty-against-three-journalists> (accessed: 7.02.2019)
 9. El Issawi F. The Tunisian transition: the evolving face of the second republic. After the Arab Spring: Power Shift in the Middle East? IDEAS reports – special reports. London, UK, 2012. 196 p.
 10. Freedom Of The Press 2017. In: Freedom House. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/freedom-press-2017> (accessed: 7.02.2019)
 11. Hamdy N. Prediction of Media Credibility in Egypt's Post-Revolution Transitional Phase. In: Global Media Journal. London, 2013, no. 4, pp. 47–59.
 12. Howard P. N. The digital origins of dictatorship and democracy: Information technology and political Islam. Oxford, Oxford University Press, 2011. 281 p.
 13. Media use in the Middle East. Northwestern University publication, Qatar, 2018. 36 p.
 14. Qasim Mahmood, Amira Sariyati Firdaus, Hamed Mohd Adnan. Social Media and Arab Revolts: An Appraisal. In: Malaysian Journal of Media Studies, 2014, vol. 16, no. 2, pp. 1–11.
 15. Saif Eddine Al-Amri. [In the Maghreb, the revolution in the media is yet to come]. In: *Orient XXI*, Paris, 2017, Décembre, pp. 4–8.
 16. Shaer G. Mapping Egypt's Media: State Influence in a Transforming Landscape. In: Arab Media & Society, Cairo, 2015, iss. 20, pp. 28–36.
 17. Steckman L. M., Andrews M. J. Online around the World: A Geographic Encyclopedia of the Internet. USA, Santa Barbara, 2017. 398 p.
 18. Youssef Seddik. *Le revolution inachevee* [The unfinished revolution]. Tunisie, Med Ali Edition, 2015. 136 c.
-

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках гранта СПбГУ № 26520757 «Информационная безопасность РФ в условиях глобального информационно-психологического противоборства».

ACKNOWLEDGEMENTS

The work is carried out under the grant St. Petersburg State University no. 26520757 “Information security of Russia in the conditions of global information-psychological warfare”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Алексей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, почетный президент Института Африки РАН, ведущий научный сотрудник СПбГУ, заведующий кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН);

e-mail: ns_inafr@mail.ru

Жерлицына Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, инженер-исследователь СПбГУ, доцент кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН);

e-mail: ns_inafr@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey M. Vasiliev – Doctor of Historical sciences, professor, academician of the Russian Academy of Sciences, honorary President of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; leading researcher at the St. Petersburg University; head of the Department of African studies and Arabic studies at the Peoples Friendship University of Russia (RUDN University); e-mail: ns_inafr@mail.ru

Natalia A. Zherlitsina – PhD in Historical sciences, senior researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; research engineer at the St. Petersburg University; Associate Professor at the Department of African Studies and Arabic Studies, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University); e-mail: ns_inafr@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васильев А. М., Жерлицына Н. А. Динамика государственной политики в отношении СМИ в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 210–221.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-210-221

FOR CITATION

Vasiliev A., Zherlitsina N. Dynamics of Public Policy on Mass Media in the Middle East and North Africa Region. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 2, pp. 210–221.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-210-221